Геннадий Зенков ЗАТМЕНИЕ СОЛНЦА

О, не надо, не надо хвалиться
Золотым обручальным кольцом.
Окольцованная, как птица,
Ты сияешь довольным лицом.
Все подружки галдят с восхищеньем
О твоем обручальном кольце.
И не видно ни тени смущенья
На наивном когда-то лице.
Ты же знаешь, что ОН—за спиною,
Еще чувствуешь ты ЕГО взгляд.
Ты же слышишь, как там,
за стеною,
Еще сосны о чем-то шумят!
Сосны слушали, запоминали,
Как стучали сердца невпопад.
Как вы солнцу навстречу шагали —
Сосны помнят. И сосны шумят...
О, как быстро ты все позабыла,
Зачеркнула легко все подряд:
Все, что было... А что-то же было!
...Только сосны о чем-то шумят.
Что ж, твой муж—он не очень
и старый
И к тому же богат, говорят.
Мать шептала:—Ну чем вы
не пара?
...Только сосны о чем-то шумят!
Не шумите, косматые сосны!
Успокойтесь в конце-то концов.
Наблюдайте ЗАТМЕНИЕ СОЛНЦА
Золотым обручальным кольцом...

☆ ☆ ☆

Мы вдруг услышим, как
по тротуару
Осенний ветер листьями шуршит,
Легко их гонит,
Будто бы отару
От зимних бурь чабан укрыть
спешит.
А листья все торопятся куда-то...
Но чуть утихнет ветер за рекой,
Они замрут, сухи и желтоваты,
В себя вобравшие и ранние закаты,
И поздней зорьки отблеск золотой.
И мы поймем, что это—только тени
Ушедших в прошлое, покинутых
миров,
Не знающие собственных влечений,
А лишь попутных ждущие ветров...

Дмитрий Клестов МОЕ КРЕЩЕНИЕ

Седобороды, но крепки
И в каждом деле очень спорые,
Меня крестили кержаки,
Как им велел обычай,—в проруби.
О, древний пращурский обряд,
Души, безвинной омовение.
А я, признаться, даже рад
Сему спартанскому крещению.
Идти распахнутым в мороз,
Пурге отчаянной не кланяться,
В любой беде не видеть слез,
В работе никогда не стариться.
Коль совесть будет нечиста
И сердце обольется злобою,
Вернусь в родимые места
И снова искупаюсь в проруби.

ЦЕРКОВЬ САЛАИРА

Церковь старая — старая дева,
Эмигрантка в родной стороне.
В забытьи непотребное тело
И душа в летаргическом сне.
Ты ль не дочь златоглавого
Суздаля?
Не сестра ли церквей Покрова?
Боголепие лапотной удали
И невиданный взлет мастерства!
Вся краса твоя холодом скована,
Как распятье на белой груди.
Нынче рудинка яростный колокол
Над землей Салаира гудит.

Леонид Торгаев ЖИЗНЬ

Контрастна жизнь... А это значит,
Что в мире вечный неуют...
В одном дому скорбят и плачут,
А рядом — пляшут и поют.
Знать, горе счастью не помеха,
Как ты об этом ни судачь...
Жизнь состоит из слез и смеха,
Из огорчений и удач.
Как много в ней тревог, сомнений!
И нелегко понять порой:
Кто есть глупец, и кто есть гений,
И кто подлец, и кто герой...
А солнце, ясное такое,
На землю льет свой щедрый свет,
О том не зная, что покоя
В природе не было и нет...

ПЕСНЬ ВОРОБЬЮ

Его дрянной считают птицею:
Мол, благородства ни на грош,
Поскольку он живет по принципу
«Не украдешь—не проживешь».
В негодный этот принцип веруя,
Немало нажил он врагов...
Ах, воробьишка, личность серая,
Комочек жалкий средь снегов!
Его вниманием не балуя,
Мы забываем, как всегда,
Что больше эта птичка малая
Приносит пользы, чем вреда.
Но все мы—взрослые ли, дети ли—
Твердим заученно: «Он вор!»
И, позабыв о добродетели,
Выносим жесткий приговор.
И возмущаемся, как водится,
И смертной карою грозим...
А каково ему приходится
В бескормицу суровых зим?
Лишь о еде он и тревожится,
Борясь отчаянно за жизнь...
Ты воробья считай ничтожеством,
Но крошкой хлеба — поделись!

Виталий Веретенников ВАРЕЖКИ

Топились печи постоянно.
Мороз. Не выйти из избы.
Дымы над трубами стояли,
Как телеграфные столбы.
И вырастали, как деревья,
Большие взрывы у холма,
И в нашей маленькой деревне
Качали крышами дома.
Гвоздили минами по «дотам»,
И в бездну падал горизонт.
Артиллеристы и пехота
Себя готовили на фронт.
Вовсю морозы их терзали,
И было холодно ногам,
Когда портянки примерзали
К заледенелым сапогам.
Москва ждала и торопила —
Сдержать коварного врага.
Вот для чего им нужно было
Топтать сибирские снега.
А мама варежки вязала,
Чтобы на фронт послать отцу,
И каждый раз их отдавала
В наш дом зашедшему бойцу.

Встретил дядю Андрея
На совхозном току.
Он живет, не старея,
На своем на веку.
Ходит, кнопки включает
Да жмет рычаги,
Как какой-то начальник,
Только жаль — без ноги.
И скажу, между нами,
Нет его здесь вины —
Он с двумя костылями
Вернулся с войны.
От машин на медали
Осаждается пыль.
Чтоб ремни не слетали,
Подставляет костыль...

ФАКУЛЬТЕТ МОЛОДОГО ЛИТЕРАТОРА

ЕСЛИ ЧЕЛОВЕК ОДАРЁН...

БЫВАЕТ так: просматриваешь рукопись за рукописью, целую стопу, и ничто не привлекает твоего внимания, то — не лишено каких-то интересных мыслей, но плохо по выражению их, это — умело зарифмовано, но не содержит ничего нового, никаких поэтических находок, открытий, а что-то беспомощно, слабо во всех отношениях. В одном случае налицо литературная неопытность автора, в другом — бедность, заурядность его личности, в третьем — явная бесталанность, полнейшее отсутствие задатков для творчества... И вдруг попадается на глаза рукопись, которая с первого же стихотворения вызовет живейший интерес и к написанному, и к самому автору. От души радуешься, что открыл для себя одаренного человека, которому есть что сказать людям и который умеет и знает, как это сказать. Подобные открытия происходят не так уж часто, но все же случаются они, эти редкостные, счастливые моменты.

Никогда не присылал в редакцию своих стихов кемеровчанин Геннадий Зенков. То ли из-за излишней скромности, то ли из-за жесткой требовательности к себе, которая заставляет все написанное долго хранить, никому не показывать. И все же, наконец-то, Геннадий Зенков решился — прислал подборку из нескольких стихотворений. И правильно поступил. Поэтическая работа его заслуживает самого пристального внимания, в чем, надеемся, согласятся с нами и наши читатели.

По-разному писали и пишут поэты о любви. Геннадий Зенков в стихотворении «Затмение солнца» подошел к этой теме по-своему. По-своему не в целом (об измене, женском непостоянстве писали многие), а в запоминающихся деталях. Девушка предала своего возлюбленного. О нем сказано коротко, почти вскользь, но и этих отрывочных слов достаточно, чтобы проникнуться сочувствием к нему, понять, что это чистый душою, бескорыстный юноша, который любит и сейчас, когда так горько, незаслуженно обманут. Он любил природу, приобщал к этой любви и свою временную попутчицу; он, может быть, даже писал стихи о зорях, о солнце, о соснах. Эти сосны невольно запомнились и ей — недаром таким тревожным шумом напоминают они о недавнем былом, недаром будят совесть, не дают покоя. А раз это так, то есть основание предположить: не очень-то девушка счастлива с теперешним не совсем старым (но все-таки, видно, не молодым) мужем, за которого она «выскочила» по совету своей небескорыстной мамаши и по собственному расчету. Материальное благополучие она, вероятно, обрела, но душевного спокойствия нет как нет: сосны-то шумят! Напоминают, укоряют, говорят о тех днях, когда девушка рядом с добрым юношей обладала самым дорогим на свете богатством — богатством души.

Когда пишущий человек поэтически одарен, он способен создавать небольшие по об'ему произведения, наводящие на многие размышления, вызывающие много эмоций в сердце читателя. Таково это стихотворение. Может у кого-то возникнуть вопрос: во всех ли отношениях оно безупречно? Нет, не во всех. Следовало бы подумать еще Геннадию Зенкову над двумя первыми четверостишиями, избежать одинаковой рифмовки в них: кольцом—лицом, кольце—лице. Это обедняет словарь. Вместо не совсем ловкого «затмение солнца золотым обручальным кольцом» естественнее и точнее звучало бы: солнце затмилось золотым обручальным кольцом. Однако это — частности, а в целом стихотворение — сильное.

А теперь поговорим уже не о частностях, а о целом. Есть в подборке Геннадия Зенкова стихотворение, которое наводит на мысль о том, что автору предстоит еще большая работа над собой. Вот оно:

О, эти вечеринки,
Где пьют до блевоты!
Истертые пластинки
Визжат до хрипоты.
Обязанный напиться,
Я что-то пью и ем.
А кровь в виски стучится:
— Зачем?.. зачем?.. зачем?..
Зачем, моя соседка,
Скажи мне, не тая,
Как сломанная ветка,
Улыбочка твоя?
Тебе, быть может, жутко,
Что за столом большим
Есть пища для желудка,
Но нету — для души?
«Хмуриться не надо,
Лада!
Хмуриться не надо,
Лада!
Для меня твой смех —
Награда,
Ла-да-а!..»
И будут все в экстазе
Горланить песню ту...
Дом пьяным желтым глазом
Глядится в темноту...

Тоже, можно сказать, сильная вещь, обличающая пошлость и ничтожество некоторой части нашей молодежи. Но какова же гражданская позиция автора? Его лирическому герою не по себе среди этой пьяной кампании с чрезмерным, бездумным возлиянием, с пустопорожней болтовней, с песенками, которые все горланят в экстазе, и тем не менее он сидит за «большим столом» вместе со всеми этими разгульными пошляками, лишь про себя, в душе упрекая себя за безволие, подчиненное неписаному закону этого застолья: должен, как и все, напиться, должен, чтобы не нарушать общей «гармонии», орать во все горло «Лада!». Удивления достойна такая беспринципность не только лирического героя, а и самого автора.

Добрый совет не одному Геннадию Зенкову — всем начинающим авторам: необходимо с первых шагов на литературном поприще четко определить свои гражданские позиции: это я люблю, а это ненавижу, это отстаиваю, защищаю, а с этим веду непримиримую борьбу. И как человек, и как поэт. Любая душевная раздвоенность неизбежно приводит к фальши в творческой работе.

Имя Дмитрия Клестова из Салаира — тоже новое в нашей рубрике. Это поэт весьма интересный, уже во многом сложившийся. Неспроста он подумывает о первой своей книге — для этого у него есть все данные, о чем, кстати, свидетельствуют публикуемые стихи. Работает Дмитрий Клестов серьезно, продуманно, уверенно, однако, будь я его редактором, я обратил бы внимание автора на один существенный недостаток, характерный почти для всех его стихов. Речь идет о некоторой небрежности в технике, в частности, в рифмовке. В самом деле, можно ли считать хорошими такие приблизительные созвучия, как дева — тело, скована — колокол (стихотворение «Церковь Салаира»). В других стихах: споры — проруби, скорость — поросль, в Салаире — приходили. И уж совсем косноязычное: не растеряться бы — судьбы. Пусть правильно поймет меня Дмитрий Клестов: эти замечания — не придирка, они продиктованы желанием, чтобы его в целом добротно сделанные стихи были хорошими, отточенными и в мелочах, тогда эстетическое удовлетворение от чтения стихов будет еще более приятным.

Если человек одарен, он из любого житейского факта может сделать то, что именуется фактом художественным. Не могу отказать себе в удовольствии — приведу еще одно небольшое стихотворение Дмитрия Клестова под названием «Собака»:

Сорок дней собака тосковала,
Вой на далекую звезду.
Не спала, не трогала еду,
Никого к себе не подпускала.
Я давно в деревне этой не был,
А сегодня возложил венок.
И она взяла кусочек хлеба
И свернулась дружески у ног.
Я нисколько не похож на брата,
Но собака ластится ко мне.
Верно, чует, что ее утрата
Тяжелее для меня вдвойне.

Выше уже отмечалось, что при наличии таланта можно и коротко сказать о многом. В этой грустной лирической миниатюре о горе лирического героя — о смерти брата — поведано не в лоб, прямолинейно, а косвенно, через образ верного друга — собаки. И как точны все, на первый взгляд, простые, незамысловатые слова, какая уместная, по-мужски выраженная сдержанность в чувствах. А между тем от концовки стихотворения прямо сердце щемит. Такова сила воздействия настоящей поэзии.

Еще раз хочу выразить свою глубокую симпатию к беловскому поэту Леониду Торгаеву. Когда я начинаю читать какое-нибудь его новое стихотворение, то заранее уверен: опять он порадует и новой мыслью, и новой, не бывшей в употреблении, подчас сложной дактилической рифмой типа веруя — серая, балуя — малая, дети ли — добродетели (стихотворение «Песнь воробью»). Кстати, в этом публикуемом сегодня стихотворении Леонид Торгаев продолжает лучшие традиции русской классической поэзии и одного из ее ярких представителей — Сергея Есенина. Имеется в виду чуткость, отзывчивость, доброта человеческой души, любовно, даже милосердно относящейся ко всему сущему на земле — к животному ли, к птице ли, к мотыльку ли. С какой убежденностью в правомерности своего доброжелательного чувства к малой серой пташке призывает нас поэт не проходить безучастно мимо, если встретится на пути этот «комочек жалкий средь снегов». Эти слова не оставляют нас равнодушными, заставляют по-новому взглянуть на безобидного воришку-воробья, потому что сказаны они с неподдельной искренностью. А искренность всегда подкупает, находит ответный отклик.

В немногих словах, но о самом главном в жизни — о контрастности ее — сказано в стихотворении «Жизнь». Оно тоже крепко сбито по форме, ритм его упруг и энергичен, каждое слово — на своем месте, рифмы, как всегда, полнозвучны и местами неожиданны (например, судачь — удач).

Не все, конечно, удачно у Леонида Торгаева, как говорится, раз на раз не приходится. Хочется посоветовать одаренному поэту избегать голой рассудочности, которую иногда можно встретить у него в том или ином стихотворении.

Виталий Веретенников из Мариинска тоже, как и все сегодняшние авторы, впервые выступает под рубрикой «Новые имена». Он когда-то, несколько лет назад, присылал нам обнадеживающие стихи; за эти годы поэт сделал заметный шаг вперед, мастерство его окрепло. Наиболее успешно работается автору, когда он обращается к лично пережитому. Публикуемое сегодня стихотворение «Варежки» — наглядное тому доказательство. С темой войны кровно связано и другое стихотворение — «Встретил дядю Андрея». И то, и другое, судя по всему, автобиографично, а это придает особую прелесть задушевным словам, которые, так и кажется, легко и свободно вылились из души автора. К достоинству обоих стихотворений можно отнести также и то, что к широко разработанному многими литераторами военному полотну Виталий Веретенников прибавил свои, новые штришки, прибавил, никого не повторив.

К неудачным стихам присланной Виталием Веретенниковым подборки я бы отнес стихотворение «Три поколения». По нему видно, что поэтическая публицистика — далеко не родная стихия этого автора, дальше и выше риторических общих фраз он здесь не уходит и не поднимается. Судите сами:

Мы ворчим и брюзжим
Иногда на потомков.
Говорим, что они
Без царя в голове.
Часто ищем не там
Подлецов и подонков,
Часто веруем просто
Неверной молве...

В таком вот духе идут рассуждения, занимающие полторы страницы рукописи. С первого взгляда на эти строки видно, что «не в свои сани» садится Виталий Веретенников, обращаясь к отвлеченной теме. Как тут все условно и по существу неверно. Можно ли сказать «он без царя в голове» про того, кого еще нет на свете? Вместо «веруем» в данном контексте правильнее «верим». Неточные мысли, неточные слова...

М. НЕБОГАТОВ,
член Союза писателей СССР.
г. Кемерово.

ВОКРУГ ПЛАНЕТЫ

КУБА. Сейчас во всех комсомольских организациях страны обсуждаются документы III с'езда молодых коммунистов Кубы.

НА СНИМКЕ: учащиеся одной из средних школ Гаваны— члены Союза молодых коммунистов Кубы — знакомятся с документами с'езда кубинского комсомола.

Фотохроника ТАСС.

СООБЩЕНИЕ, ДЛЯ КОТОРОГО НЕ НАШЛИ ЗАГОЛОВКА

Несколько строк газетной хроники: в Северной Франции на дороге между городами Кале и Булонь-сюр-Мер найдены мужчина, женщина и пятеро их детей, умирающих от голода. Над сообщением даже нет заголовка, потому что в этом факте буржуазные репортеры не усмотрели ничего сенсационного.

Судьбой несчастных заинтересовалась лишь газета «Юманите».

До марта 1976 года Жерар Ромто, 29-летний глава семьи, кое-как сводил концы с концами, работая электриком по временным контрактам в департаменте Мор. Можно легко себе представить трудности многодетной семьи, отец которой не имеет постоянного заработка. А разразившийся в стране кризис сокращал и без того малые шансы Жерара найти применение своим способностям и силам. Единственным источником существования стало жалкое пособие безработного. Владелец дома, где жили Ромто, все чаще грозил конфискацией имущества и выселением. Однако принятый под давлением общественности закон — мораторий запрещал ему выгонять людей на улицу в зимние месяцы. Жерар Ромто предпринял отчаянные усилия, чтобы найти хоть какое-нибудь занятие. Они не увенчались успехом. Тем временем срок истечения действия моратория — 16 марта — стремительно приближался. О нем напомнил визит судебного исполнителя.

Жерар, его жена и пятеро детей (старшему — 7 лет, младшей дочери — полтора года) остались без крыши над головой. Собрав пожитки, семья Ромто двинулась в путь. Никто не обратил на них внимания: в «свободном» мире каждый заботится только о себе.

Несколько дней, пока Жерар в отчаянии метался от одной биржи труда к другой, семья ютилась в старом, выброшенном на свалку автобусе. В надежде найти работу в крупном портово-промышленном городе, Ж. Ромто решил отправиться в Дюнкерк. Но там и без него хватало «лишних людей». Оставшись без гроша, Ромто решили пешком двигаться на юг. Так, предлагая свои услуги в каждом встречавшемся на дороге предприятии (всюду им отвечали: работы нет!), они добрались до Кале. Просить милостыню было стыдно. Но другого выхода не оставалось: похудевшие, изможденные дети плакали и просили есть. Следующим этапом их странствий должен был стать город Булонь-сюр-Мер. Но дойти до него не хватило сил...

Недавно в «Юманите» было опубликовано письмо парижанки Терезы В. «С августа прошлого года мой муж находится в туберкулезном диспансере. Из-за болезни он прекратил работу и ликвидировал свою столярную мастерскую. Пачка неоплаченных счетов растет. А заказные конверты на имя мужа все идут и идут... Домовладелец заявил, что мы должны освободить квартиру даже в том случае, если погасим задолженность».

В соответствии с обязательствами, взятыми на себя кандидатами союза левых сил во время муниципальных выборов, 22 советника-коммуниста, избранных в парижский муниципалитет, потребовали прекратить практику судебного преследования бедняков за задержку внесения квартплаты. ФКП предлагает другим левым партиям, профсоюзным и общественным организациям провести совместную встречу и наметить план борьбы за принятие соответствующего закона.

А пока полтора миллиона французских безработных с трепетом ждут появления у дверей своих квартир судебных исполнителей.

Н. КУЗНЕЦОВ,
соб. корр. АПН.
Париж.

МИРНЫЕ БУДНИ ЛИВАНА

БЕЙРУТ. НА СНИМКЕ: НА УЛИЦАХ ГОРОДА.

Фото В. Буданя. ТАСС.